

Снова этот ублюдок

Когда процессия Школы Сокрытого облака достигла входа в долину, очертания Усадьбы божественного дерева стали отчётливо видны.

Основой всей усадьбы служило древнее дерево, которому было десять тысяч лет. Его ствол был толстым и крепким, а узловатые корни, словно гигантские змеи, обвивали землю, поддерживая огромную крону, что заслоняла небо.

Здания усадьбы располагались кольцом по склону горы, окружая божественное дерево.

Те Хэнцю смотрел издалека, и его сердце наполнялось смешанными чувствами.

Когда в детстве его продали в усадьбу, он, свернувшись калачиком в ящике, был внесён внутрь. А когда бежал, то ушёл через задние ворота, так и не увидев усадьбу издалека.

В юности он всегда находился под деревом, словно муравей, запутавшийся в его корнях, и видел лишь малую часть.

И вот теперь он впервые мог видеть божественное дерево во всей его красе.

Ветви изгибались, как драконы, крона раскинулась, как зонт. Каждая веточка трепетала в тумане, и, когда листва колыхалась, казалось, что всё дерево дышит, слегка содрогаясь.

Стоявший рядом Тан Сюэ, заметив выражение лица Те Хэнцю, тихо усмехнулся.

— Что так уставился на это божественное дерево?

Те Хэнцю очнулся.

— Я слышал, что это дерево особенное. Оно впитывает сущность солнца и луны, и поливают его чем-то необычным, поэтому оно может питать духовные кости. Говорят, даже у слуг в Усадьбе божественного дерева кости необычайно крепкие. Не знаю, правда ли это.

Услышав это, Тан Сюэ проследил за взглядом Те Хэнцю и, посмотрев на величественное дерево, тихо усмехнулся.

— Что, тебе тоже захотелось кусочек этого дерева? Может, найдёшь возможность, сорвёшь пару листочков или откопаешь несколько корешков, чтобы попробовать?

Те Хэнцю покачал головой, изображая простодушие.

— Брат Тан Сюэ, не смейся надо мной, у меня на такое духу не хватит!

«Сорвать пару листочков или корешков? Что за мелочи? — подумал Те Хэнцю. — Уж лучше выкопать духовную кость, которую это дерево возвращало тысячи лет, так ведь проще».

Те Хэнцю вспомнил о духовной кости, которую он забрал тогда.

Он пользовался ею сто лет. Поначалу она казалась ему чем-то невероятным, но, поступив в школу, он понял, как ограничен был его кругозор.

Кость меча Аньаня была неплохой, но он всё же был простым слугой со средними способностями. Всё, что ему доставалось, — это крохи с барского стола Шестого молодого господина. Разве это могло сравниться с настоящими сокровищами знатных родов?

При этой мысли Те Хэнцю закрыл глаза и ощутил пульсацию кости меча Хай Цюншаня в своём теле. «Вот это уже что-то стоящее».

Ему вдруг стало любопытно: чья кость меча лучше — Шестого молодого господина Лю Лю из Усадьбы божественного древа или Хай Цюншаня?

Наконец процессия подошла к воротам Усадьбы божественного древа.

Ворота распахнулись, и в окружении слуг вышел шестой молодой господин... нет, теперь уже глава усадьбы — Лю Лю.

Увидев его, Те Хэнцю немного удивился.

В его памяти Лю Лю был заносчивым юнцом, у которого вся злоба была написана на лице. А теперь перед ним стоял изящный молодой господин, утончённый и сдержанный, по которому и не скажешь, что у него на уме.

Те Хэнцю незаметно разглядывал Лю Лю.

А тот в это время обменивался любезностями с главой Школы Сокрытого облака, Юнь Сыгуем.

После недолгого разговора Лю Лю лично подошёл к облачному паланкину в конце процессии.

Те Хэнцю поспешно опустил голову.

Он знал, что теперь он могущественный совершенствующийся на стадии Золотого ядра, его внешность и манеры изменились, и Лю Лю ни за что его не узнает.

Но острая боль от унижений прошлого снова пронзила его до костей.

Лю Лю подходил всё ближе.

Те Хэнцю почувствовал, как по ногам поднимается холод.

Почему, несмотря на то, что он так изменился, старые кошмары всё ещё преследуют его?

Пальцы Те Хэнцю невольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони, и боль немного привела его в чувство.

Глубоко вздохнув, Те Хэнцю мысленно повторял: «Те Хэнцю, ты уже не тот, что был раньше».

Лю Лю, словно что-то почувствовав, медленно повернул голову в сторону Те Хэнцю.

Те Хэнцю инстинктивно опустил голову ещё ниже, но его чувства обострились, словно взгляд Лю Лю мог материализоваться и, подобно мечу, обрушиться на него.

Этот острый, как лезвие, взгляд уже почти достиг шеи Те Хэнцю, но тут две тени встали на его пути.

Те Хэнцю резко поднял глаза и увидел, что перед ним стоят Мин Чунь и Тан Сюэ, заслоняя его от взгляда Лю Лю.

Как только взгляд Лю Лю коснулся Мин Чуня и Тан Сюэ, его внимание тут же переключилось. «Эти двое выглядят необычно, но я не могу определить их уровень совершенствования...»

Мин Чунь, как всегда, был холоден и надменен. Даже перед главой Усадьбы божественного древа он говорил с сарказмом:

— Глава Лю, что вы тут высматриваете, золото или серебро в грязи потеряли?

Раньше Те Хэнцю считал Мин Чуня язвительным и неприятным, но теперь, видя, как тот без разбора нападает на всех, он почувствовал укол зависти.

Лю Лю, будучи знатного происхождения и редко покидая усадьбу, не привык к такому обращению. Он на мгновение опешил.

Однако Лю Лю был не так прост. Он быстро пришёл в себя и, сохранив на лице мягкую улыбку, словно слова Мин Чуня его ничуть не задели, остался невозмутим.

А вот его слуга тут же помрачнел, шагнул вперёд и выпалил:

— Дерзость! Кто ты такой, чтобы так разговаривать с нашим главой?

Мин Чунь холодно усмехнулся, его взгляд, острый, как нож, прошёлся по слуге.

— В Усадьбе божественного древа принято, чтобы собаки лаяли вместо хозяев?

Слуга побагровел от злости, его кулаки сжались, и он уже был готов броситься в драку.

Но Лю Лю остановил его, всё так же мягко сказав:

— Не будь груб.

Слуга неохотно отступил.

Лю Лю посмотрел на облачный паланкин с опущенными занавесками и, сложив руки, произнёс:

— Я, Лю Лю, глава Усадьбы божественного древа, давно наслышан о славе Юэ-цзуня. Могу ли я сегодня удостоиться чести увидеть вас?

Занавески паланкина не шелохнулись.

Лю Лю постоял так некоторое время, но ответа не последовало.

Стало ещё более неловко.

Слуги Лю Лю ещё больше разозлились. «Что за Юэ Бочжи такой? Как он смеет так вести себя перед нашим главой?»

Но Лю Лю, похоже, уже не был тем избалованным юнцом. Он проявил удивительное терпение и, несмотря на унижение, остался спокоен.

Те Хэнцю, видя, как тот держится, подумал: «С этим парнем будет нелегко».

Лю Лю снова обратился к паланкину:

— Юэ-цзунь, я сегодня осмелился пригласить вас, потому что давно восхищаюсь вами. Если вам неудобно показаться, я не смею настаивать. Однако в Усадьбе божественного дерева уже накрыт скромный ужин, и я надеюсь, вы окажете нам честь своим присутствием.

Когда атмосфера стала совсем напряжённой, Тан Сюэ шагнул вперёд, приподнял занавеску, заглянул внутрь и, повернувшись к Лю Лю, сказал:

— Прошу прощения, Юэ-цзунь выпил лекарство и уснул, поэтому не слышал вас. Он ни в коем случае не хотел вас обидеть.

Эти слова, правдивые или нет, разрядили обстановку.

Услышав это, Лю Лю немного расслабился, и его тон стал легче.

— Вот как, это я был невежлив. Сад созерцания сливы в усадьбе уже убран, всё оставлено, как было, так что Юэ-цзунь сможет спокойно отдохнуть.

Облачный паланкин внесли в усадьбу, и слуги проводили их в Сад созерцания сливы.

Этот сад, естественно, был тем самым двором, где когда-то жила Юэ Лофу.

Войдя внутрь, Те Хэнцю огляделся, и его сердце наполнилось ещё большими эмоциями. «В этом Лю Лю не соврал, обстановка действительно такая же, как и раньше».

Но как бы тщательно всё ни было восстановлено, это было уже не то.

Например, старая слива во дворе — её ветви по-прежнему гордо тянулись к небу, но в ней уже не было прежнего духа.

Те Хэнцю стоял под этим новым-старым сливовым деревом, и его то бросало в жар, то в холод, словно он вернулся в те времена, когда был самым уязвимым.

Все эти годы в Школе Сокрытого облака его слабость была отчасти притворной, а унижения — частью расчёта.

Но здесь, в Усадьбе божественного дерева, все страдания, вся боль были настоящими.

Как старая рана, что ноет в дождливую погоду, они напоминали о былой муке.

В этот момент мимо прошёл Юэ Бочжи.

Те Хэнцю поспешно собрался с мыслями и замер у дерева. Оглядевшись, он удивился, что Мин Чунь и Тан Сюэ снова куда-то исчезли.

Юэ Бочжи поднял голову, посмотрел на дерево, а затем на Те Хэнцю.

— Этот двор такой же, как при жизни моей матери?

— Почти такой же, — ответил Те Хэнцю.

На губах Юэ Бочжи появилась холодная усмешка.

— Значит, не такой.

Сказав это, Юэ Бочжи, больше не глядя на весенний пейзаж, повернулся и вошёл в дом.

Те Хэнцю последовал за ним.

Но Юэ Бочжи остановился в дверях и, обернувшись, посмотрел на него.

— Что с тобой?

Те Хэнцю замер.

— Со мной? Что-то не так?

— У тебя вид, как у мертвеца, — сказал Юэ Бочжи.

«...Такой красивый мужчина, а ругается, как Мин Чунь».

Те Хэнцю, чтобы скрыть смущение, опустил глаза.

— Просто вернулся в знакомые места, нахлынули воспоминания, да и дорога утомила.

Юэ Бочжи кивнул.

— Тогда отдыхай.

Сказав это, он вошёл в дом.

Те Хэнцю действительно очень устал.

Он вошёл в свою комнату, погасил свечу.

Лёжа на кровати, он смотрел в потолок и долго не мог уснуть.

Ближе к полуночи, когда он уже начал проваливаться в сон, его внезапно пронзил озноб, и он погрузился в кошмар.

Он снова стал тем беззащитным смертным, которого хватили за шею и вжимали лицом в грязь, тащили в собачью конуру, где он, глотая остывшие объедки, мог плакать от счастья.

Он резко проснулся, холодный пот пропитал его одежду, словно его только что вытащили из воды.

В тёмной комнате лишь слабый лунный свет пробивался сквозь окно, рисуя смутные очертания. Ему было не по себе, словно что-то давило на грудь, мешая дышать.

В смятении он накинул одежду и, пошатываясь, вышел во двор.

Те Хэнцю ступал по каменной дорожке, выходя из ворот. Усадьба божественного древа, окутанная ночной тьмой, казалась тихой и таинственной.

Переплетённые корни дерева, словно гигантские змеи, лежали под ногами, образуя основание усадьбы.

Подул ночной ветер, и в щелях между корнями зашелестел песок.

Инстинкт мечника заставил его резко обернуться, и он столкнулся со знакомой фигурой.

Он тут же подавил в себе всю воинственность, опустил глаза и почтительно поклонился.

— Глава Лю.

Лю Лю вышел из тени деревьев. Лунный свет мягко играл на его шёлковых одеждах, а подол, касаясь опавших листьев, издавал тихий шорох.

— Ты слуга Юэ-цзуня, не так ли? — улыбнулся он.

Голос Лю Лю был совсем не таким, как в юности. Тогда он был резким, как нож, а теперь стал мягким, но словно подёрнутым инеем, надёжно скрывающим остроту и яд под маской утончённости.

Те Хэнцю опустил голову ещё ниже.

— Именно так.

Лю Лю поймал падающий лист и провёл пальцем по его жилкам.

— Как тебя зовут?

— Моя фамилия Те, имя Хэнцю, — ответил Те Хэнцю.

— О, так тебя зовут Те Хэнцю, — улыбнулся Лю Лю и вдруг положил руку ему на плечо.

Те Хэнцю инстинктивно хотел увернуться, но не смог.

Рука, казалось, лишь легко лежала на плече, но на самом деле впилась в плоть, словно пустила корни.

Те Хэнцю похолодел. «Уровень совершенствования Лю Лю намного выше, чем я предполагал».

— Хорошее имя, — сказал Лю Лю, его пальцы слегка согнулись. — Те Хэнцю — звучит благородно, как и подобает мечнику.

Те Хэнцю молчал. Не потому, что не хотел отвечать, а потому, что давление на плечо становилось всё сильнее, словно на него обрушилась гора. Ему пришлось собрать всю свою внутреннюю энергию, чтобы противостоять этому.

Лю Лю почувствовал его сопротивление, и уголки его губ поползли вверх, а давление усилилось.

Те Хэнцю вздрогнул, на его шее выступили капельки холодного пота, а колени предательски задрожали.

— Ноги дрожат, не проще ли встать на колени? — Лю Лю склонил голову, разглядывая его дрожащие колени. — Как думаешь, грязный пёс?

Слова «грязный пёс» взорвались в ушах Те Хэнцю.

Он резко поднял голову и встретился с глазами, полными насмешки.

Лю Лю внезапно убрал руку.

Те Хэнцю на мгновение показалось, что давление исчезло, и он уже было вздохнул с облегчением, но в следующий миг рука Лю Лю снова с силой опустилась на его плечо, на этот раз ещё сильнее.

Перед глазами Те Хэнцю поплыли звёзды, в коленях послышался тихий треск, словно тонкий лёд на зимней реке.

Ноги свело судорогой, в костях будто перетирали песок.

Он стиснул зубы, в горле появился привкус крови.

Холодный пот со висков стекал в глаза, застилая всё пеленой, но он всё равно видел тень на земле: сгорбленная фигура упрямо выпрямляла спину.

Лю Лю вскинул бровь.

— А ты и впрямь научился считать себя человеком?

Сказав это, он улыбнулся ещё шире.

— Так даже интереснее.

<http://bllate.org/book/16975/1588847>